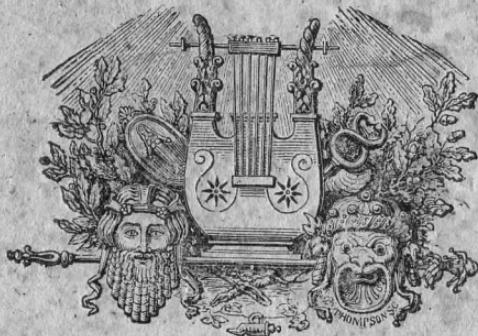

КАВКАЗСКІЙ
ПЛѢНИКЪ,
ПОВѢСТЬ.

Соч. А. ПУШКИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1822.

К А В К А З С К І Й
П Л Ъ Н Н И К Ъ.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

Е. Гейман

АЛЕКСАНДРЪ ПУШКИНЪ

КАВКАЗСКІЙ
ПЛѢННИКЪ,

ПОВѢСТЬ.

Соч. А. Пушкина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ ,
—
въ типографіи Н. Греча.
—
1822.

Печатать разрешается.

Въ Санктпепербургѣ, 12 Июня 1822 года.

Цензоръ Александръ Бируковъ.

Н. Н. РАЕВСКОМУ.

Прими съ улыбкою, мой другъ,
Свободной Музы приношенье.

Тебѣ я посвятилъ пустынной лиры пѣнье
И вдохновенный свой досугъ.

Когда гроза и вихрь мой чолнъ о камни били,
Я при тебѣ еще спокойство находилъ;
Я сердцемъ отдохаль; другъ друга мы любили:
И бури надо мной свирѣпость упомили;
Я, въ мирной пристани, боговъ благословилъ.

Во дни печальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мнѣ Кавказъ,
Гдѣ пасмурный Бешпушъ, пустынникъ вели-
чавый,
Аудовъ¹ и полей властинецъ пяшиглавый,

Быль новый для меня Парнасъ.
Забуду ли кремниспяя вершины,
Гремучіе ключи, увядшія равнины,
Пустыни знойные, края, гдѣ шы со мной
Дѣлиль души младыя впечатлѣнья;
Гдѣ рыскаешь въ горахъ воинственный разбой,
И дикій геній вдохновенія
Таится въ шишинѣ глухой!
Ты здѣсь найдешь воспоминанья,
Быть можешь, милыхъ сердцу дней,
Пропивурѣчія спрасшей,
Мечты знакомыя, знакомыя страданья,
И шайный гласъ души моей.

Мы въ жизни разношли: въ объятіяхъ покоя
Едва, едва разцвѣль, и въ слѣдъ ошица-героя

**Въ поля кровавыя, подъ шучи вражьихъ спрѣль,
Младенецъ избранный, ты гордо полетѣль;
Олчеспво тебя ласкало съ умиленьемъ,
Какъ жершу милую, надежды вѣрный цвѣпъ.
Я рано скорбь узналь, узналь людей и свѣпъ!

Но сердце укрѣпивъ терпѣньемъ,
Я ждалъ беспечно лучшихъ дней;
И счастіе друзей
Мнѣ было сладкимъ упѣшеньемъ.**

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

ЧАСТЬ I.

Въ ауль, на своихъ порогахъ
Черкесы праздные сидяшъ.
Сыны Кавказа говоряшъ
О бранихъ, гибельныхъ превогахъ,
О красотѣ своихъ коней,
О наслажденьяхъ дикой нѣги;
Вспоминаюшъ прежнихъ дней
Неопразимые набѣги,
Обманы хитрыхъ Узденей,³
Удары шашекъ⁴ ихъ жестокихъ,
И мешкосипъ неизбѣжныхъ спрѣль,
И пепель разоренныхъ сель,
И ласки пленницъ черноокихъ.

Текущъ бесѣды въ шишинѣ;
 Луна плыветъ въ ночномъ шуманїѣ;
 И вдругъ предъ ними на конѣ
 Черкесъ. Онъ бы спро на арканѣ
 Младаго пленника влачилъ.
 Вонъ Русской! хищникъ возопилъ.
 Ауль на крикъ его сбѣжался
 Ожесточеною шолпой;
 Но пленникъ хладный и нѣмой,
 Съ обезображеній главой,
 Какъ трупъ, недвижимъ оспавался.
 Лица враговъ не видишъ онъ,
 Угрозъ и криковъ онъ не слышишъ;
 Надъ нимъ лепаешь смертный сонъ,
 И холодомъ плеворнымъ дышишъ.

И долго пленникъ молодой
 Лежаль въ забвеніи тяжеломъ.
 Ужъ полдень надъ его главой
 Пылалъ въ сіяніи веселомъ;
 И жизни духъ проснулся въ немъ,
 Невияпній спонъ въ успахъ раздался,

Согрѣшай солнечнымъ лучемъ,
Несчастный тихо приподнялся;
Кругомъ обводиша слабый взоръ....
И видинъ неприсущихъ горъ
Надъ нимъ воздвигнулась громада,
Гнѣздо разбойничыхъ племенъ,
Черкеской вольносии ограда.
Воспомнилъ юноша свой плѣнь,
Какъ сна ужаснаго превоги,
И слышинъ, загремѣли вдругъ
Его закованныя ноги....
Все, все сказаль ужасный звукъ;
Запмилась передъ нимъ природа.
Прости, священная свобода!
Онъ рабъ.

За саклями⁵ лежишъ
Онъ у колючаго забора.
Черкесы въ полѣ, иѣшь надзора,
Въ пустомъ аулѣ все молчишъ.
Предъ нимъ пустынныя равнины
Лежатъ зеленої пеленой;

Тамъ — холмовъ шанущся грядой
Однообразныя вершины;
Межъ нихъ уединенный путь
Въ дали шеряется угрюмой —
И плѣнника младаго грудь
Тяжелой взволновалась думой.

Въ Россію дальний путь ведешъ,
Въ страну, гдѣ пламенную младость
Онъ гордо началъ безъ заботъ;
Гдѣ первую позналь онъ радость,
Гдѣ много милага любилъ,
Гдѣ обняль грозное страданье,
Гдѣ бурой жизнью погубиль
Надежду, радость и желанье, —
И лучшихъ дней воспоминанье
Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ.

• . *

* Какъ это мѣсто, такъ и другія, означены точками
самимъ Сочинителемъ. —

Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,
 И зналъ невѣрной жизни цѣну.
 Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну,
 Въ мечтахъ любви — безумный сонъ,
 Наскуча жершвой бытъ привычной
 Давно презрѣнной суевѣи,
 И непріязни двуязычной,
 И просподушной клеветы,
 Опшупуникъ свѣща, другъ природы,
 Покинулъ онъ родной предѣлъ
 И въ край далекій полетѣлъ
 Съ веселымъ призракомъ свободы.

• • • • • • • • • • • •

• • • • • • • • • •

Свершилось! цѣлью упованья
 Не зришь онъ въ мірѣ ничего.
 И вы, послѣдня мечтанья,
 И вы сокрылись отъ него.
 Онъ рабъ. — Склоняясь главой на камень,
 Онъ ждешь, чи побѣ съ сумрачной зарей
 Погасъ печальной жизніи пламень
 И жаждешь съни гробовой.

Ужь меркнешъ солнце за горами;
Въ дали раздался шумный гуль;
Съ полей народъ идешъ въ ауль,
Сверкая свѣплыми косами.

Пришли, въ домахъ зажглись огни,
И постепенно шумъ неспройной
Умолкнулъ; все въ ночной тиѣни
Объятъ нѣгою спокойной;

Въ дали сверкаешъ горный ключъ,
Сбѣгая съ каменной спремини;
Одѣлись пеленою тучъ
Кавказа спящія вершины....

Но кшо, въ сіянїи луны,
Среди глубокой тишины
Идешъ, украдкою спуная?

Очиулся Русской. Передъ нимъ,
Съ привѣтомъ нѣжнымъ и нѣмымъ,
Споишъ Черкесенка младая.

На дѣву, молча, смотрѣши онъ,
И мыслиши: эшо лживый сонъ,
Усталыхъ чувствъ игра пустая.

Луною чутъ озарена,

Съ улыбкой жалости отрадной
 Кольна преклонивъ, она
 Къ его успамъ қумысъ⁶ прохладной
 Подноситъ тихою рукой. —
 Но онъ забылъ сосудъ цѣлебный;
 Онъ ловить жадною душой
 Пріятной рѣчи звукъ волшебный
 И взоры дѣвы молодой.
 Онъ чуждыхъ словъ не понимаешь;
 Но взоръ умильный, жаръ ланишъ,
 Но голосъ пѣжный говориши:
 Живи! и пушникъ оживаетъ.
 И онъ, собравъ осшапокъ силъ,
 Вельнию милому покорной,
 Привсталъ — и чашей благоворной
 Томленье жажды утолилъ.
 Попомъ на камень вновь склонился
 Опьященою главой;
 Но все къ Черкешенкѣ младой
 Угасшій взоръ его спремился.
 И долго, долго передъ нимъ
 Она, задумчива, сидѣла;

Какъ бы участиемъ нѣмымъ
 Упѣшишь плѣнника хопѣла;
 Успа невольно каждый часъ
 Съ начапой рѣчью открывались;
 Она взыхала, и не разъ
 Слезами очи наполнялись.

За дніями дни прошли какъ шѣнь.
 Въ горахъ, окованный, у спада
 Проводишь плѣнникъ каждый день.
 Пещеры темная прохлада
 Его скрываешь въ лѣпній зной;
 Когда же рогъ луны сребристой
 Блеснетъ за мрачною горой,
 Чerkешенка, тропой шѣнистой,
 Приносишь плѣннику вино,
 Кумысъ, и ульевъ сопѣ душистой,
 И бѣлоснѣжное пшено.
 Съ нимъ шайный ужинъ раздѣляешь;
 На немъ покоишь нѣжный взоръ;
 Съ неясной рѣчю сливаешь
 Очей и знаковъ разговоръ;

Поепъ ему и пѣсни горъ,
И пѣсни Грузіи счастливой,⁷
И памяти непрѣливой
Передаетъ языкъ чужой.
Впервые дѣвственной душой
Она любила, знала счастье;
Но Руской жизни молодой
Давно упрашилъ сладоспрастие:
Не могъ онъ сердцемъ оправѣчать
Любви младенческой, опкрышой —
Быть можешъ, сонъ любви забытой
Боялся онъ воспоминашъ.

Не вдругъ уянепъ наша младость,
Не вдругъ воспорги бросятъ насъ,
И неожиданную радость
Еще обнимемъ мы не разъ:
Но вы, живыя впечатлѣнья,
Первоначальная любовь,
О первый пламень упоенія!
Не прилещаеше вы вновь.

Казалось — пльнникъ безнадежный
 Къ унылой жизни привыкалъ.
 Тоску неволи, жаръ мятежный,
 Въ душѣ глубоко онъ скрывалъ.
 Влачая межъ угрюмыхъ скаль,
 Въ часъ ранней, утренней прохлады,
 Остановлялъ онъ долго взоръ
 На отдаленные громады
 Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.
 Великолѣпныя картины!
 Престолы вѣчные снѣговъ!
 Очамъ казались ихъ вершины
 Недвижной цѣпью облаковъ,
 И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
 Въ вѣнцѣ блестая ледяномъ,
 Эльбрусъ огромный, величавый,
 Бѣгъ на небѣ голубомъ.⁸
 Когда, съ глухимъ сливаюсь гуломъ,
 Предтеча бури громъ гремѣлъ,
 Какъ часпо пльнникъ надъ ауломъ,
 Недвижимъ, на горѣ сидѣлъ!
 У ногъ его дымились шуки

Въ степи взвивался прахъ лепучій;
 Уже пріюта между скаль
 Елень испуганный искалъ;
 Орлы съ упесовъ подымались
 И въ небесахъ перекликались;
 Шумъ шабуновъ, мычанье снасть
 Ужь гласомъ бури заглушались...
 И вдругъ на домы дождь и градъ
 Изъ шучъ сквозь молній извергались.
 Волнами роя крушины,
 Сдвигая камни вѣковые,
 Текли попоки дождевые —
 А пльнникъ, съ горной вышины,
 Одинъ, за шучей громовою,
 Возвратя солнечнаго ждалъ,
 Недосягаемый грозою,
 И бури немощному вою
 Съ какой-шо радостью внималъ.

Но Европейца все вниманье
 Нарсдъ сей чудный привлекалъ.
 Межъ Горцевъ, пльнникъ наблюдалъ

*

Ихъ вѣру, правы, воспишанье,
Любиль ихъ жизни просишу,
Гостепріимство, жажду бранц,
Движеній вольныхъ быстрому,
И легкость ногъ, и силу длані;
Смотрѣль по цѣлымъ онъ часамъ,
Какъ иногда Черкесъ проворной,
Широкой степью, по горамъ,
Въ косматой шапкѣ, въ буркѣ чорной,
Къ лукѣ склоняясь, на спремена
Ногою спройной опираясь,
Лепаль по волѣ скакуна,
Къ войнѣ заранѣ пріучаясь.
Онъ любовался красотой
Одежды бранной и простой.
Черкесъ оружіемъ обвѣшенъ;
Онъ имъ гордится, имъ упѣшенъ:
На немъ броня, пищаль, колчанъ,
Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ,
И щашка, вѣчная подруга
Его трудовъ, его досуга.
Ни чѣмъ его не пяготишишъ,

Ни чи то не брякнешь: пѣшій, конный —
 Все топъ же онъ; все топъ же видъ
 Непобѣдимый, непреклонный.
 Гроза беспечныхъ Козаковъ,
 Его боязньство — конь решивый,
 Питомецъ горскихъ шабуновъ,
 Товарищъ вѣрный, терпѣливый.
 Въ пещерѣ иль трапѣ глухой
 Коварный хищникъ съ нимъ шаинся,
 И вдругъ, внезапною стрѣлой,
 Завидя пушника, спремися;
 Въ одно мгновеніе вѣрный бой
 Рѣшишъ ударъ его могучій,
 И странника въ ущелья горъ
 Уже влечепъ арканъ лепучій.
 Спремися конь во весь опоръ,
 Исполненъ огненной оправы;
 Все пушь ему: болото, боръ,
 Кусты, упесы и овраги;
 Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
 Въ пусынѣ топошь раздаенія;
 Сѣдой пошокъ предъ нимъ шумитъ —

Онъ въ глубь кипящую несется;
 И пушникъ, брошенный ко дну,
 Глошаешь мутную волну,
 Изнемогая смерти просишь
 И зришь ее передъ собой....
 Но мощный конь его — спрѣлой
 На берегъ пѣнистый выносишь.

Иль ухвативъ рогатый пень,
 Въ рѣку низверженный грозою,
 Когда на холмахъ пеленою
 Лежишь безлуної ночи тѣнь,
 Черкесь на корни вѣковые
 На вѣтви вѣщаешь кругомъ
 Свои доспѣхи боевые,
 Щитъ, бурку, панцырь и шеломъ,
 Колчанъ и лукъ — и въ быспры волны
 За нимъ бросаешь попомъ
 Неупомимый и безмолвный.
 Глухая ночь. Рѣка ревещь;
 Могучій шокъ его несетъ
 Вдоль береговъ уединенныхъ,

Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
 Склоняясь на копья, Козаки
 Глядяшь на темный бѣгъ рѣки —
 И мимо ихъ, во мглѣ чернѣя,
 Плыветъ оружіе злодѣя....
 О чемъ ты думаешьъ, Козакъ?
 Воспоминаешь прежни битвы,
 На смершномъ полѣ свой бивакъ,
 Полковъ хвалебныя молитвы
 И родину?... Коварный сонъ!
 Просите, вольныя спаницы,
 И домъ ощцовъ, и тихій Донъ,
 Война и красныя дѣвицы!
 Къ брегамъ причалилъ шайный врагъ,
 Спрѣла выходитъ изъ колчана —
 Взвилась — и падаетъ Козакъ
 Съ окровавленного кургана.

Когда же съ мирною семьёй
 Черкесь въ отеческомъ жилищѣ
 Сидишъ ненаспѣною порой
 И шлѣюшъ угли въ пепелищѣ;

И спрянувъ съ вѣрнаго коня,
 Въ горахъ пустынныхъ запоздалый,
 Къ нему войдешъ пришаецъ усталый
 И робко сядешъ у огня:
 Тогда хозяинъ благосклонной
 Съ привѣтомъ, ласково, вспаешь,
 И гостю въ чащѣ благовонной
 Чихирь⁹ опрадный подаешь.
 Подъ влажной буркой, въ сакль дымной,
 Вкушаешь пушникъ мирный сонъ,
 И упромъ оставляешь онъ
 Ночлега кровъ госцепріимной.¹⁰

Бывало въ свѣтлый Баирантъ¹¹
 Сберущія юноши шолпою;
 Игра смѣняется игрою:
 То полный разобравъ колчанъ,
 Они крылатыми стрѣлами
 Пронзаютъ въ облакахъ орловъ;
 То съ высоты крутыхъ холмовъ
 Неперѣливыми рядами,
 При данномъ знакѣ, вдругъ падутъ,

Какъ лани землю поражають,
Равнину пылью покрывають
И съ дружнымъ шопотомъ бѣгутъ.

Но скученъ миръ однообразной
Сердцамъ рожденныи для войны;
И часто игры воли праздной
Игрой жестокой смущены.
Не рѣдко шашки грозно блещутъ
Въ безумной рѣзвости пировъ,
И въ прахъ лешишъ главы рабовъ,
И жены робкія пропещутъ.

Но Руской равнодушно зреѧтъ
Сіи кровавыя забавы.
Любиль онъ прежде игры славы
И жаждой гибели горѣдъ.
Невольникъ чеспи безпощадной,
Вблизи видаль онъ свой конецъ;
На поединкахъ пивердый, хладной,
Вспрѣчая гибельный свинецъ.
Быть можетъ, въ думу погруженный,

Онъ время шо воспоминаль,
Когда, друзьями окруженный,
Онъ съ ними шумно пировалъ....
Жалѣлъ ли онъ о дняхъ минувшихъ,
О дняхъ надежду обманувшихъ?
Иль, любопытный, созерцалъ
Суровой простоты забавы,
И дикаго народа нравы
Въ семь вѣрномъ зеркалъ чиняль?
Таилъ въ молчаныи онъ глубокомъ
Движеня сердца своего,
И на чель его высокомъ
Не измѣнялось ничего.
Безпечной смѣлости его
Черкесы грозные дивились,
Щадили вѣкъ его младой
И шопотомъ между собой
Своей добычею гордились.

Ч А С Т Ъ III.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

ЧАСТЬ II.

Ты ихъ узнала, дѣва горь,
Восторги сердца, жизни сладоспѣ!
Твой огненный невинный взоръ
Высказывалъ любовь и радоспѣ.
Когда твой другъ во шмѣ ночной
Тебя лобзаль иѣмымъ лобзаньемъ,
Сгарая иѣгой и желаньемъ,
Ты забывала міръ земной,
Ты говорила: пльнникъ милый,
Развесели свой взоръ унылый,
Склонись главой ко мнѣ на грудь,
Свободу, родину забудь.
Скрываньеся рада я въ пустынѣ

Съ тобою, царь души моей!
Люби меня; ни кто доньинъ
Не цѣмовалъ моихъ очей;
Къ моей постель одинокой
Черкесь младой и черноокой
Не крался въ тишинѣ ночной;
Слыву я дѣвою жеснокой,
Неумолимой красотой.
Я знаю жребій мнѣ гоповыій:
Меня отецъ и братъ суровый
Немилому продашь хошатъ
Въ чужой ауль цѣною злата;
Но умолю отца и брата;
Не то — найду кинжалъ иль ядъ.
Непоспижимой, чудной силой
Къ тебѣ я вся привлечена,
Люблю тебя, невольникъ милой,
Душа тобойupoена....

Но онъ съ безмолвнымъ сожалѣньемъ
На дѣву спрасшную взиралъ,
И полный тяжкимъ размыщленьемъ

Словамъ любви ея внималъ.
Онъ забывался: въ немъ пѣснились
Воспоминанья прошлыхъ дней,
И даже слезы изъ очей
Однажды градомъ покашались.
Лежала въ сердцѣ какъ свинецъ
Тоска любви безъ упованья.
Предъ юной дѣвой наконецъ
Онъ изліялъ свои спраданья.

„Забудь меня; твоей любви,
 Твоихъ воспорговъ я не стою.
 Безцѣнныхъ дней не шрамъ со мною;
 Другаго юношу зови.
 Его любовь тебѣ замѣнишь
 Моей души печальный хладъ;
 Онъ будешьъ вѣренъ, онъ оцѣнишь
 Твою красу, твой милый взглядъ,
 И жаръ младенческихъ лобзаній,
 И иѣжносТЬ пламенныхъ рѣчей;
 Безъ упоенья, безъ желаній
 Я вяну жерповою спрасшей.

Ты видишь слѣдъ любви несчастной,
Душевной бури слѣдъ ужасной;
Оспавь меня; но пожалѣй
О скорбной участии моей!
Несчастный другъ! зачѣмъ не прежде
Явилась ты моимъ очамъ,
Въ тѣ дни, какъ вѣрилъ я надеждѣ
И уповательнымъ мечтамъ?
Но поздно! умеръ я для счастья,
Надежды призракъ улепѣль;
Твой другъ отвыкъ опять сладоспрашъя,
Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣль....

„Какъ тяжко мертвыми успами
Живымъ лобзаньямъ опивѣчашь,
И очи полныя слезами
Улыбкой хладною вспрѣчашь!
Измучась ревноспью напрасной,
Уснувъ безчувственной душой
Въ объятіяхъ подруги спрасной,
Какъ тяжко мыслишь о другой!...“

„Когда такъ медленно, такъ нѣжно,
Ты пьешь лобзанія мои,
И для тебя часы любви
Проходяще быстро, безмятежно ;
Синьдая слезы въ пишинѣ ,
Тогда, разсвѣянный, унылый,
Передъ собою, какъ во снѣ ,
Я вижу образъ вѣчно милый ;
Его зову, къ нему спремлюсь ,
Молчу, не вижу, не внимаю ;
Тебѣ въ забвеньи предаюсь
И шайный призракъ обнимаю ;
О немъ въ пустынѣ слезы лью ;
Повсюду онъ со мною бродилъ
И мрачную тоску наводилъ
На душу сирую мою .

„Оспавъ же мнѣ мои желѣзы ,
Уединенныя мечты ,
Воспоминанья , грусть и слезы :
Ихъ раздѣлишь не можешь ты .
Ты сердца слышала признанье ;

Прости.... дай руку — на прощанье.
 Не долго женскую любовь
 Печалишъ хладная разлука:
 Пройденъ любовь, настанетъ скука ,
 Красавица полюбипъ вновь.“ —

Раскрывъ усна, безъ слезъ рыдала,
 Сидѣла дѣва молодая:
 Туманный, неподвижный взоръ
 Безмолвный выражалъ укоръ;
 Блѣдна какъ тѣнь, она дрожала ;
 Въ рукахъ любовника лежала
 Ея холодная рука ;
 И наконецъ любви тоска
 Въ печальной рѣчи излилася.

„Ахъ Руской, Руской! для чего ,
 Не зная сердца твоего ,
 Тебѣ на вѣкъ я предалася?
 Не долго на груди твоей
 Въ забвеньи дѣва опыхала ;
 Не много радостныхъ ей дней

Судьба на долю низпослала!
 Придущь-ли вновь когда нибудь?
 Ужель на вѣкъ погибла радость?....
 Ты могъ бы, плѣнникъ, обманушь
 Мою неопытную младость,
 Хотя бъ изъ жалости одной,
 Молчаньемъ — ласкою притворной;
 Я усаждала бъ жребій твой
 Заботой иѣжной и покорной;
 Я сперегла бъ минуты сна,
 Покой тоскующаго друга;
 Ты не хомѣль.... Но кто жъ она,
 Твоя прекрасная подруга?
 Ты любишь, Руской? ты любимъ?...
 Понятны мнѣ твои страданья!...
 Простижь и ты мои рыданья,
 Не смѣйся горестямъ моимъ.“

Умолкла. Слезы и спенанья
 Спѣснили бѣдной дѣвы грудь.
 Успа, безъ словъ, роптали пѣни.
 Безъ чувствъ, обнявъ его колѣни,

*

Она едва могла дохнуть.
И пѣнникъ, тихою рукою
Поднявъ несчастную, сказалъ:
„Не плачь! И я гонимъ судьбою
И муки сердца испыталъ.
Нѣшь! я не зналъ любви взаимной:
Любиль одинъ, спрадаль одинъ,
И гасну я, какъ пламень дымной,
Забытый средь пустыхъ долинъ.
Умру вдали бреговъ желанныхъ;
Миѣ будеши гробомъ :ша степь;
Тамъ, на косахъ моихъ изгнанныхъ
Заржавишъ пягостная цѣпь...“

Свѣшила ночи замѣвались;
Въ дали прозрачной означались
Громады свѣплоснѣжныхъ горъ;
Главу склонивъ, пошутия взоръ,
Они въ безмолвіи разспались.

Унылый пѣнникъ, съ этихъ поръ,
Одинъ окрестъ аула бродилъ.

Заря на знойный небосклонъ
 За днями новы дни возводишь,
 За ночью ночь во слѣдъ уходишь,
 Вопище свободы жаждешь онъ.
 Мелькнешь-ли серна межъ куспами,
 Прокачешь-ли во мглѣ сайгакъ:
 Онъ, вспыхнувъ, загремишь цѣпями,
 Онъ ждешь, не крадешися-ль Козакъ,
 Ночный ауловъ разоришель,
 Рабовъ отважный избавишель.
 Зовешь... но все кругомъ молчишь;
 Лишь волны плещущая бушуя,
 И человѣка звѣрь почужа,
 Въ пустыню темную бѣжишь.

Однажды слышишь Русской плѣнной,
 Въ горахъ раздался кликъ военный:
 „Въ шабунъ! въ шабунъ!“ Бѣгутъ, шумятъ;
 Узечки мѣдные гремятъ,
 Черньюпъ бурки, блещущъ брони,
 Кипятъ осѣдланные кони,
 Къ набѣгу весь аулъ гоновъ,

И дикіе птицы брали
 Рѣкою хлынули съ холмовъ,
 И скачупъ по брегамъ Кубани
 Сбирашь насильственные дани.

Упихъ ауль; на солнцѣ спятъ
 У саклей псы спорожевые.
 Младенцы смуглые, нагіе
 Въ свободной рѣзвости шумяшъ;
 Ихъ прадѣды въ кругу сидяшъ;
 Изъ трубокъ дымъ віясь синѣешъ.
 Они безмолвно юныхъ дѣвъ
 Знакомый слушаюшъ припѣвъ,
 И спарцевъ сердце молодѣешъ.

ЧЕРКЕСКАЯ ПѢСНЯ.

І.

Въ рѣкѣ бѣжашъ гремучій валъ;
 Въ горахъ безмолвіе ночное;
 Козакъ усталый задремалъ,
 Склоняясь на коніе спальное.

Не спи, Козакъ! во шмѣ иночной
Чеченецъ ходишъ за рѣкой.

2.

Козакъ плывешъ на челнокѣ,
Влача по дну рѣчному сѣши.
Козакъ! упонешь ты въ рѣкѣ,
Какъ шонуши маленькия дѣши,
Купаясь жаркою порой:
Чеченецъ ходишъ за рѣкой.

3.

На берегу завѣшныхъ водъ
Цвѣтуши богатыя спаницы:
Веселый пляшешъ хороводъ.
Бѣгите, Рускія пѣвицы;
Спѣшите, красныя, домой:
Чеченецъ ходишъ за рѣкой.

Такъ пѣли дѣвы. Сѣвъ на брегѣ,
Мечтаешь Руской о побѣгѣ;
Но цѣль невольника тяжка,

Быстра глубокая рѣка....
Межъ пѣмъ, померкнувъ, степь уснула,
Вершины скаль омрачены,
По бѣлымъ хижинамъ аула
Мелькаетъ блѣдный свѣтъ луны;
Елени дремлютъ надъ водами,
Умолкнулъ поздній крикъ орловъ,
И глухо вспорхшися горами
Далекій шопотъ шабуновъ.

Тогда — кого-то слышно спало,
Мелькнуло дѣвы покрывало,
И вошь — печальна и блѣдна
Къ нему приближалась она.
Успа прекрасной ищущъ рѣчи;
Глаза исполнены тоской,
И черной падають волной
Ея власы на грудь и плечи.
Въ одной рукѣ блестящъ пила,
Въ другой кинжалъ ея буланий:
Казалось, будто дѣва шла
На шайный бой, на подвигъ рапный.

На пльника возведши взоръ,
 „Бѣги!“ сказала дѣва горъ:
 Ни гдѣ Черкесъ шебя не вспрѣшишъ.
 Спѣши, не прашь ночныхъ часовъ;
 Возьми кинжалъ: швоихъ слѣдовъ
 Никто во мракѣ не замѣшишъ.“

Пилу дрожащей взявъ рукой,
 Къ его ногамъ она склонилась:
 Визжишъ желѣзо подъ пилой,
 Слеза невольная скапила —
 И цѣпь распалась и гремишъ.
 „Ты воленъ, дѣва говоришъ,
 Бѣги!“ Но взглядъ ея безумный
 Любви порывъ изобразилъ.
 Она спрадала. Вѣшерь шумный
 Свистя, покровъ ея клубиль.
 „О другъ мой! Руской возопилъ,
 Я твой на вѣкъ, я твой до гроба.
 Ужасный край оставимъ оба,
 Бѣги со мной...“ — „Нѣпъ, Руской, нѣпъ!
 Она изчезла, жизни сладосицъ;

Я знала все, я знала радость,
 И все прошло, пропало и слъдъ.
 Возможно ль? ты любилъ другую!...
 Найди ее, люби ее;
 О чемъ-же я еще споскую?
 О чемъ уныніе мое?...
 Проспи! любви благословенъя
 Съ тобою будущъ каждый часъ.
 Проспи — забудъ мои мученья,
 Дай руку мнѣ.... въ послѣдній разъ.“

Къ Черкешенкъ просперъ онъ руки,
 Воскресшимъ сердцемъ къ ней лепѣль,
 И горькій поцѣлуй разлуки
 Союзъ любви запечатлѣль. —
 Рука съ рукой, унынья полны
 Сошли ко брегу въ пишинѣ —
 И Руской въ шумной глубинѣ
 Уже плывешь и пѣнишь волны,
 Уже пропивныхъ скаль доспигъ,
 Уже хватаетсѧ за нихъ....
 Вдругъ, волны глухо защумѣли,

И слышеть опдаленный спонъ....
На дикій брегъ выходить онъ,
Глядишъ назадъ... брега ясныли
И опѣненные бѣлѣли;
Но иѣть Черкешенки младой
Ни у бреговъ, ни подъ горой....
Все мершво.... на брегахъ уснувшихъ
Лишь вѣтра слышенъ легкій звукъ,
И при лунѣ, въ водахъ плеснувшихъ
Струиспый изчезаетъ кругъ.

Все понялъ онъ. Прощальнымъ взоромъ
Объемлеть онъ въ послѣдній разъ
Пустой аулъ съ его заборомъ,
Поля, гдѣ пленный спадо пасъ,
Спремнины, гдѣ влачиль оковы,
Ручей, гдѣ въ полдень опдыхаль,
Когда въ горахъ Черкесъ суровый
Свободы пѣсню запѣвалъ.

Рѣдѣль на небѣ мракъ глубокой,
Ложился день на шемный долъ,

Взошла заря. Тропой далкой
Освобожденный пленникъ шель,
И передъ нимъ уже въ шуманахъ
Сверкали Рускіе штыки,
И окликались на курганахъ
Спорожевые Козаки.

Такъ Муза, легкой другъ мечты,
Къ предѣламъ Азіи лепала
И для вѣнка себѣ срывала
Кавказа дикіе цвѣты.
Ее пленяль нарядъ суровой
Племенъ, возросшихъ на войнѣ,
И часто въ сей одеждѣ новой
Волшебница являлась мнѣ;
Вокругъ ауловъ опустѣлыхъ
Одна бродила по скаламъ
И пѣснямъ дѣвъ осиротѣлыхъ
Она прислушивалась шамъ;

Любила бранныя спаницы,
Тревоги съмълыхъ Козаковъ,
Курганы, тихія гробницы,
И шумъ, и ржанье шабуновъ.
Богиня пѣсень и разсказа,
Воспоминанія полна,
Быть можетъ, повторить она
Преданья грознаго Кавказа;
Расскажешь повѣстъ дальнихъ странъ,
*Мстислава*¹² древній поединокъ,
Измѣны, гибель Россіянъ
На лонѣ мстительныхъ Грузинокъ:
И воспою топъ славный часъ,
Когда, почуж бой кровавый,
На негодующій Кавказъ
Подъялся нашъ орель двуглавый;
Когда на Терекѣ сѣдомъ
Впервыя грянуль битвы громъ
И грохочъ Рускихъ барабановъ,
И въ сѣчѣ, съ дерзоспнымъ челомъ
Явился пылкій Циціановъ.
Тебя я воспою, герой,

О Котляревскій! бичъ Кавказа,
Куда ни мчался ты грозой —
Твой ходъ, какъ черная зараза,
Губилъ,ничтожилъ племена...
Ты днесь покинулъ саблю мески
Тебя не радуешь война;
Скучая миромъ, въ язвахъ чеспи,
Вкушаешь праздный ты покой
И пишишу домашнихъ доловъ....
Но се — Востокъ подъемлешь вой!...
Почикни снѣжною главой,
Смирись, Кавказъ! идеиѣ Ермоловъ!

И смолкнулъ ярый крикъ войны:
Все Рускому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла васъ наша кровь,
Ни очарованныя брони,
Ни горы, ни лихие кони,
Ни дикой вольности любовь!
Подобно племени Батыя,

**Иzmънишь прадѣдамъ Кавказъ,
Забудешь алчной брани гласъ,
Оставилъ спрѣлы боевыея.
Къ ущельямъ, гдѣ гнѣздились вы,
Подъѣдешь пупникъ безъ боязни,
И возвѣстяи о вашей казни
Преданья шёмныя молвы.**

КОНЕЦЪ.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

ПРИМЪЧАНИЯ.

Издашели присовокупляють поршрепъ Авшора, въ молодости съ него рисованный. Они думають, что пріятно сохраниши юныя черты Поэта, котораго первыя произведения означенованы даромъ необыкновеннымъ.

---

1. *Бештиц*, или правильнѣе *Бештац*, Кавказская гора въ 40 верстахъ отъ Георгіевска. Извѣсна въ нашей Испоріи.

2. *Ацль*. Такъ называются деревни Кавказскихъ народовъ.

3. *Узденъ*, начальникъ или князь.

4. *Шашка*, Черкесская сабля.

5. *Сакля*, хижина.

6. *Күчкүйсъ* дѣлается изъ кобыльяго молока: напишокъ сей въ большомъ упонреблениі между всѣми горскими и кочующими народами Азіи. Онъ довольно пріятенъ вкусу и починается весьма здоровымъ.

7. Счастливый климатъ Грузіи не вознаграждаешь сей прекрасной страны за всѣ бѣдствія,

въчно ею претерпѣваемыя. Пѣсни Грузинскія пріятны и по большой часпи заунывны. Онъ славялъ минутиные успѣхи Кавказскаго оружія, смерть нашихъ героевъ, Бакунина и Цицанова, измѣны, убийства — иногда любовь и наслажденія.

8. Державинъ, въ превосходной своей Одѣ Графу Зубову, первый изобразилъ въ слѣдующихъ спироахъ дикія карпинки Кавказа:

О юный вождь! — сверша походы,
Прошелъ ты съ воинствомъ Кавказъ,
Зрѣль ужасы, красы природы:
Какъ съ ребръ шамъ спрашивыхъ горъ ліасъ,
Ревущъ въ мракѣ бездна сердиты рѣки;
Какъ съ чель ихъ съ грохочомъ снѣга
Падушъ, лежавши цѣлы вѣки;
Какъ серны, внизъ склонивъ рога,
Зрящъ въ мглѣ спокойно подъ собою
Рожденье молій и громовъ.

* * *

Ты зрѣль, — какъ ясною порою.
Тамъ солнечны лучи, средь льдовъ,
Средь водъ, играя, отражался,
Великолѣпный кажущъ видъ;
Какъ, въ разноцвѣтныхъ разсѣвался
Тамъ брызгахъ, шонкій дождь горишъ;
Какъ глыба шамъ сизояшарна,
Навѣсаясь, смотрѣть въ шемный боръ;
А шамъ заря зламобагряна
Сквозь лѣсъ увеселяешь взоръ.

Жуковскій, въ своеемъ Посланиі къ Г. Воеікову, такжে посвящаенъ нѣсколько прелестиц-ныхъ сшиховъ описанію Кавказа:

Ты зрѣль, какъ Терекъ въ быстромъ бѣгѣ
 Межъ виноградниковъ шумѣль,
 Гдѣ, часто припалась на брегѣ,
 Чеченецъ иль Черкесъ сидѣль,
 Подъ буркой, съ гибельнымъ арканомъ;
 И въ далекѣ передъ тобой,
 Одѣши голубыши шуманомъ,
 Гора вздымалась надъ горой,
 И въ сонмѣ ихъ гигантъ сѣдой,
 Какъ шуча, Эльборусъ двуглавой.
 Ужасно и величавой
 Тамъ все блісшаешь красотой:
 Ушесовъ ишистыя громады,
 Бѣгущи съ ревомъ водопады
 Во мракѣ пучинъ съ граничныхъ скалъ;
 Лѣса, кошорыхъ сна опѣ вѣка
 Ни спукъ сѣкиръ, ни человѣка
 Веселый гласъ не возмущалъ,
 Въ кошорыхъ сумрачныя сѣни
 Еще лучъ дневный не проникъ,
 Гдѣ изрѣдка одни елени,
 Орла послышавъ грозный крикъ,
 Тѣснясь въ толпу, шумяще вѣтвями,
 И козы легкими ногами
 Перебѣгающи по скаламъ.
 Тамъ все являєшся очамъ
 Великолѣпіе творенья!
 Но щамъ — среди уединенъя

Долинъ, шаящихся въ горахъ —
 Гиѣзляпсѧ и Балкаръ, и Вахъ,
 И Абазехъ, и Камуцинецъ,
 И Корбулакъ, и Албазинецъ,
 И Чечереецъ, и Шапсукъ.
 Пищаль, кольчуга, сабля, лукъ,
 И конь — сорашникъ быстроногій,
 Ихъ и сокровища и боги;
 Какъ серны скачуши по горамъ,
 Бросаюши смерть изъ - за утеса;
 Или по шопкимъ берегамъ,
 Въправъ высокой, въ чацъ лѣса
 Разсыпавшись, добычи ждуши;
 Скалы свободы ихъ пріоупъ.
 Но дни въ аулахъ ихъ бредушъ
 На косыняхъ угрюмой лѣни :
 Тамъ жизнь ихъ — сонъ; спѣснясь въ кружокъ,
 И въ брацкій съ шабакомъ горшокъ
 Вонзивши чубуки, какъ шѣни
 Въ дыму клубящемся сидяшъ
 И объ убийствахъ говоряшъ;
 Иль хвалишъ мѣшкія пищали,
 Изъ коихъ дѣды ихъ спрѣляли;
 Иль сабли на кремняхъ освѣряшъ,
 Гошовясь да убийства новы.

9. Чихиръ, красное Грузинское вино.

10. Черкесы, какъ и всѣ дикіе народы, опли-
 чаюшися предъ нами госпепріимствомъ. Госпѣ
 становившися для нихъ священнаю особою. Пре-
 данъ его или не защищать, почишаєшися межъ
 ними за величайшее безчестіе. *Кунакъ* (ш. е.

пріятель , знакомець) опів'чаетъ жизню за вашу безопасноснъ и съ нимъ вы можете углубиться въ самую средину Кабардинскихъ горъ.

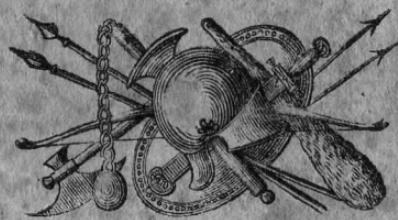
11. *Байранъ* или *Байрамъ*, праздникъ розговення. *Рамазанъ* Музульманскій постъ.

12. *Мспиславъ*, сынъ Св. Владимира, прозванный *Удалымъ*, удѣльный Князь Тмутаракана (осир. Тамань). Онъ воеваль съ Косогами (по всей вѣроѧтноснѣ, нынѣшними Черкесами) и въ единоборствѣ одолѣлъ Князя ихъ Редедю. *Ист. Гос. Росс. Томъ II.*

23
78

Кавк. п.л. 1892

293